

Основным приемом использования общезыковой фразеологии для Винокурова является прием включения устойчивых сочетаний в стихотворный текст в общеупотребительной форме, без какого-либо изменения их структуры или семантики. Преобладание в текстах поэта общезыковой фразеологии не исключает, конечно, обращения поэта и к различным, сравнительно редким, способам преобразования фразеологизмов. Основное назначение привлекаемых поэтом фразеологических средств — создание эмоционально-стилистических акцентов.

Наглядной иллюстрацией сказанного может служить стихотворение «Здравый смысл», в котором наплыв просторечной фразеологии сообщает тексту разговорно-бытовую непринужденность, которую не разрушает естественное для современного разговорного стиля речи обращение к словам книжным: «Рискни! /И все летит к чертям/. И что ты в жизни видел?! /А он [здравый смысл] шагает по костям, /жестокий победитель!/. Вот ты вдруг рубанул сплеча/ иль все забыл вдруг в раже. <...>/ Ты наломать способен дров/ иль сломотать по шее. <...> Лишь кто безумством заражен /иль кто с душой героя,/ тот прямо прется на рожон/ и входит в пекло боя».

Включение в один контекст стилистически контрастных лексико-фразеологических элементов — прием, характерный для Винокурова. Как справедливо замечает критик, «Высокое и низкое — нет таких эстетических категорий в арсенале современного поэта. Высокое заземлено, иначе для Винокурова оно просто не существует»³. Стилистический анализ лексико-фразеологических элементов ряда стихотворений Винокурова убеждает нас в том, что эмоционально-стилистическая окрашенность текста в них создается совмещением книжных и разговорных (а порой и просторечных) элементов, связанных одной сюжетной линией, призванных раскрыть одну и ту же художественную тему. На подобном взаимодействии в тексте разностилевых лексико-фразеологических элементов построены, например, стихотворения «Слава», «О долголетию», «Фантазмагория одежды» и др.

Другим распространенным в творчестве этого поэта приемом использования общезыковой фразеологии является прием включения в текст фразеологизмов с измененной формой одного, чаще всего рифмующегося компонента⁴. Чувство языка редко подводит поэта, почти все грамматические изменения компонентов, а также лексические замены в устойчивых сочетаниях оправданны и художественно мотивированы. Приведем лишь несколько примеров: «Здесь не играют словом, /здесь сразу сходит лак» (История болезни) — ср. общеупотребительное *играть словами*; «Восторгов тех телячий/ Бьет гейзер через край» (Фантазмагория одежды) — ср. *телячий восторг*; «Зато у всех он на устах/ И век из века,/ Ведь он срывает, холостяк, /Цветы успеха» (Баллада о холостяке и об отце семейства) — ср. *срывать цветы удовольствия*.

Изредка Винокуров обращается и к семантическому обыгрыванию устойчивых сочетаний в тексте, используя при этом синтаксический параллелизм. Например, в стих. «Мороз на Урале» Винокуров в параллельных синтаксических конструкциях употребляет омонимичные сочетания *отодрать с мясом* и *отдирать с мясом*, первое из которых имеет реальное (буквальное), а второе, переносно-фразеологическое ('отказываться от чего-нибудь с болью') содержание: «И полоз я лизнул для интереса, /Так как-то просто/. И язык прирос /Вдруг намертво к поверхности железа/. Его я с болью, с мясом отодрал <...>/ С тех пор я прожил жизнь почти. /Ты сердцем только, друг, не прирасти. / Ведь *отдирать-то* будешь с болью, с мясом».

³ Огнев Вл. Становление таланта. М., «Советский писатель», 1972, с. 58.

⁴ Для Винокурова вообще характерно употребление фразеологизмов в конце стиха, в позиции рифмы (на их долю приходится около 90% используемых поэтом устойчивых сочетаний).